

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья

УДК 80

doi: 10.17223/19986645/89/14

Дискурсивный концепт «суррогатное материнство» в российских СМИ

Лидия Владимировна Енина¹, Ирина Геннадьевна Полякова²

^{1, 2} Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ enina.lidia@gmail.com

² irinapolykova@yandex.ru

Аннотация. Суррогатное материнство как явление еще находится в процессе нормализации правового статуса, медицинского протокола сопровождения и общественного мнения. Цель настоящей статьи рассмотреть тему суррогатного материнства в дискурсе СМИ и выявить ведущие ценностные установки ее обсуждения. Источниками для анализа послужили тексты российских СМИ и письма, направленные в НКО «РАРЧ». Основным методом анализа материала выступает критический дискурс-анализ, используется также ряд специальных лингвистических методик.

Ключевые слова: суррогатное материнство, дискурсивный концепт, российский журналистский дискурс, дискурс СМИ

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01035, <https://rscf.ru/project/23-28-01035/>

Для цитирования: Енина Л.В., Полякова И.Г. Дискурсивный концепт «суррогатное материнство» в российских СМИ // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 256–274. doi: 10.17223/19986645/89/14

Original article

doi: 10.17223/19986645/89/14

The discursive concept “surrogate motherhood” in Russian media

Lidia V. Enina¹, Irina G. Polyakova²

^{1, 2} Ural State University, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ enina.lidia@gmail.com

² irinapolykova@yandex.ru

Abstract. The article aims to explore the topic of surrogate motherhood in Russian media discourse and identify its key values. The research material is contemporary Rus-

sian media texts and letters received by the NGO Russian Association of Human Reproduction (RAHR). The research methodology is rooted in the constructivist approach and a theoretical study into the notion of discursive concept. The leading method of material analysis is critical discourse analysis combined with several specific linguistic methods. The discursive concept “surrogate motherhood” is represented in all segments of Russian media. The concept is structured by the main role positions of the surrogate motherhood participants: childless parents, doctor, gestational mother, child. The role positions are described according to the media format. Letters received by RAHR contribute to the following conclusions: the concept “surrogate motherhood” is structured by the discursive practices of the self-description of the childless women’s (spouses’) role position with the emphasis on “inferiority complex due to the absence of children”, ways of describing the role position of the gestational mother as a reward-based voluntary assistant, a role position of the child as a desirable object for family happiness. The news segment describes the concept’s role positions within the framework of intentional or unintentional crime. Journalists tend to give the floor to law enforcement agencies as well as to suspects and their lawyers. In leisure media, the parents’ role position is represented by celebrities identified as “happy”; an alternative is a role position of a “single father” having a close emotional connection with children that contradicts the conservative viewpoint of the family. In analytical publications, the role position of a “gestational mother” is represented in the first person; it is revealed only through positive experience. The role position of a “child” actualizes three different interpretations of the axiological meaning. An ethical problem of stigmatization of children born with the help of ART has been found in the leisure media. A comparison of letters received by RAHR and journalist texts showed that the role position of a “child” as a desirable object for family happiness is consistent with the idea of solving the demographic problem of the state. The discursive concept “surrogate motherhood” is included into public space, but there is no value polarization in its understanding.

Keywords: surrogate motherhood, discursive concept, Russian journalistic discourse, media discourse

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01035, <https://rscf.ru/project/23-28-01035/>

For citation: Enina, L.V. & Polyakova, I.G. (2024) The discursive concept “surrogate motherhood” in Russian media. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 89. pp. 256–274. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/14

В 2021 г. на Первом канале показали первый сезон российского сериала «Контейнер», и сейчас он входит в топ-10 коллекции кино Первого канала. В центре сюжета история Александры (в исполнении Оксаны Акиньшиной), тридцатилетней женщины, вынашивающей ребенка для статусной семьи. Название сериала метафорически прозрачно и оскорбительно объективирует главную героиню, однако история главной героини, полная драматических поворотов, казалось бы, должна вызвать сочувствие к жизненному выбору Александры, но сочувствие возникает к героине, а не к ее решению выносить чужого ребенка. Сериал «Контейнер» – это история «сурпроекта», в котором никто из участников не стал счастливым. А история Александры демонстрирует, что главная линия художественного осмысления суррогат-

ного материнства выстраивается относительно «суррогатки», как ее уничижительно называет биологическая мать будущего ребенка. Мы начали с сериала, поскольку в нем представлена негативная модель отношения к проблеме суррогатного материнства и к участникам процесса этой технологии. Цель данного исследования – рассмотреть спектр мнений о суррогатном материнстве, транслируемых российскими СМИ, и выявить основные смыслы, тиражируемые при обсуждении этого явления.

Суррогатное материнство – одна из самых сложных вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) как из-за длительности самого процесса, так и из-за необходимости взаимодействия большого количества участников в течение этого процесса. Программа суррогатного материнства требует слаженной коммуникации между всеми участниками процесса: врачом, потенциальными родителями / родителем, гестационной (суррогатной) матерью, которая беременеет и вынашивает плод. Взаимодействие между участниками программы суррогатного материнства изначально многоаспектно, нуждается в правовом сопровождении и в регулировании, поэтому, кроме перечисленных участников, в качестве посредника одна из сторон привлекает специализированное агентство и/или юриста.

В России суррогатное материнство законодательно было закреплено в 2011 г. в ст. 55 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и рядом законодательных актов и нормативных документов. В ч. 9 ст. 55 закрепляется правовой статус этой разновидности ВРТ, а в ч. 10 описаны правовые требования к женщине, которая может стать суррогатной матерью. Совсем недавно законодательно было решено конкретизировать правовые требования и к тем, кто может воспользоваться этой ВКР, и 19 декабря 2022 г. был принят ФЗ № 538 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором право на услуги суррогатного материнства распространяется только на граждан России. Будучи легализовано и получив практическое распространение в медицинской сфере, явление суррогатного материнства для большей части российского общества остается новым и вызывает, скорее, ценностный интерес, чем медицинский или просветительский.

В социальных науках тема суррогатного материнства исследуется прежде всего в правовых аспектах [1–3]. Значительно меньше исследованы социокультурные аспекты феномена суррогатного материнства в российском контексте. Есть отдельные публикации: так, поднимается вопрос о дискриминационных практиках в обществе по отношению к парам, желающим воспользоваться данной технологией [4]; проблематизируется понимание родства ребенка, появившегося благодаря реализации программы суррогатного материнства, и родителей, готовых его воспитывать [5]; изучаются ведущие мотивации стать гестационной матерью или донором гаметов [6–8]. Дискурсивный аспект суррогатного материнства рассматривали О.Г. Исупова и О. Ткач [5, 7]. Исупова исследовала закрытые женские интернет-сообщества, созданные с целью обсуждения решения репродуктив-

ных проблем, т.е. внимание было привлечено прежде всего к высказываниям людей, заинтересованных в развитии этой технологии. Она выделила дискурсивные блоки обсуждения темы суррогатного материнства: беременность, роды, генетическая связь, родной / чужой ребенок. О.А. Ткач проводила свое исследование на материале публикаций СМИ, чтобы выявить дискурсивно формирующиеся концепции родства / родительства, связанные с применением ВРТ, и способы нормализации этих концепций. Оба исследования фиксируют, что под влиянием новейших медицинских технологий изменяется понимание материнства как высшего предназначения женщины, которая неразрывно переживает этапы зачатия, беременности, родов и последующего воспитания детей. Материнство подвергается диверсификации на автономные части (зачатие, беременность, роды, воспитание), «каждая из которых имеет отдельно сконструированный смысл» [7. С. 393]. При этом достижения биомедицинских технологий встречают публичное неприятие таких семей и вызывают, скорее, дискурсивные практики оправдания для родителей и/или умолчаний. «Публичное обсуждение этих вопросов в официальной прессе лишь усиливает статус нормативной концепции нуклеарной семьи с генетически родными детьми» [5. С. 64].

Относительно скромный интерес к социокультурным аспектам ВРТ, возможно, обусловлен тем, что в России в целом, и в российском научном сообществе в частности, «материнство по-прежнему рассматривается как непроблематизированное женское предназначение» [9. С. 16]. Мы надеемся, данная работа внесет вклад в развитие этой важной темы.

Термин «суррогатное материнство» законодательно закреплён и имеет строгое юридическое определение: «Суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребёнка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребёнка невозможно по медицинским показаниям». На наш взгляд, это терминологическое словосочетание содержит отрицательную оценочную семантику¹ дискриминационного характера по отношению к женщине, вынашивающей плод. Вслед за О. Ткач [5] мы в качестве синонимичной замены будем использовать медицинский термин «гестационная» взамен «суррогатная».

Остановимся на **теоретических основаниях исследования**. Мы работаем в русле конструктивистского подхода, который исходит из четырех предпосылок: 1) наши знания о мире не следует принимать за объективную истину; 2) наши способы понимания мира и представления о нем имеют специфику, связанную с историческим и культурным контекстом, т.е. *условны, зависят от обстоятельств*; 3) наши знания и способы понимания

¹ Ср. словарное толкование слова «суррогат» – продукт, предмет, лишь по некоторому сходству являющийся заменой натурального [10. С. 959].

мира возникают благодаря социальной коммуникации, в процессе которой мы доказываем друг другу, что является верным, а что ошибочным; 4) в соответствии с нашим мировоззрением одни поступки человека воспринимаются естественными, другие – неприемлемыми. Различное понимание мира ведет к различному социальному поведению, и поэтому социальная структура знаний и истины имеет социальные последствия [11–15]. В связи с изложенными предпосылками поясним, что в России тема суррогатного материнства еще не получила устойчивого культурного контекста и привычных аргументационных ходов, иными словами, не является нормализованной. Поэтому важно сейчас зафиксировать возможные дискурсивные / смысловые направления развития этой темы в одном из влиятельных дискурсов, для чего мы воспользуемся понятием «дискурсивный концепт». В основе нашей работы лежит конструктивистское определение дискурса: «Дискурс – это социально упорядоченный механизм организации коммуникации, относительно устойчивое поле смыслов, единство которого обеспечивают специфические для него группы дискурсивных практик»¹.

В медиа-дискурсе функционирование концептов неоднородно². Поскольку понятие концепта является междисциплинарным, приведем определение, из которого мы исходим: «Концепт – это знак, имеющий фиксированное значение в пределах одной специфической области»³. Концепты с неустойчивым дискурсивным значением имманентны для журналистского дискурса, так как именно вокруг них концентрируются общественные обсуждения. Такие концепты могут трансформироваться от текста к тексту и менять соотношение составных элементов за счет сокрытия одних и добавления новых характеристик и изменения смысловых отношений между ними. Понимание концепта, функционирующего в пределах одного дискурса, впервые было описано Э.В. Чепкиной в монографии «Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды» [18]. Она методологически отграничила концепты журналистского дискурса и от элементов когнитивного пространства, коллективного или индивидуального [19], и от языковых концептов, востребованных при описании языковой картины мира [20]. В монографии Э.В. Чепкина не описывала сами концепты, а сосредоточила внимание «на установлении связи концептов друг с другом» [18. С. 161]. Далее методика анализа дискурсивного концепта была доработана и применена к исследованию национально-гражданской идентичности россиян, и структура дискурсивного концепта была описана по сетевому принципу на основе тематического развития [16, 21, 22]. Как показал материал, дискурсивный кон-

¹ См.: Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война» [16. С. 14].

² О функционировании дискурсивных концептов: Чепкина, Енина Дискурсивные практики журналистики: о методе анализа [17].

³ См.: Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война» [16. С. 15].

цепт «суррогатное материнство» структурируется в зависимости от ролевой позиции участника процесса биотехнологии: врач, бездетные родители / родитель, гестационная мать, ребенок. В конкретных текстах одна из позиций выдвигается на первый план и наделяется определенными характеристиками, при накоплении важных для дискурса смыслов у характеристик могут быть повторяющиеся лингвистические маркеры [16. С. 14].

При анализе журналистских текстов важно учитывать форматные различия СМИ. «Формат может представлять собой совокупность условий и правил сбора, обработки и распространения информации, принятых в газете, на телеканале, радиостанции» [23. С. 109]. Формат задает правила отбора и подачи информации для того или иного СМИ. Можно выделить три большие группы СМИ, отличающиеся друг от друга по форматным правилам [24. С. 11–25]: 1) СМИ, ориентированные на информационное оповещение, что включает достоверную информацию, представление разных точек зрения; 2) СМИ, соединяющие общественную проблематику с качественным анализом проблемы; 3) досуговые СМИ, ориентированные преимущественно на развлечение аудитории, их особенностью является сосредоточенность на сфере частной жизни. Типичная тематика здесь – светские новости, всевозможные скандалы и сенсации, детальное описание криминальных событий. Существует еще одна группа СМИ – это специализированные журналы, ориентированные на профессиональную медицинскую аудиторию, но они в наш анализ не включены. Несмотря на то, что деление российских СМИ на сегменты по подаче информации в настоящем культурно-историческом контексте стало менее отчетливым, различие между подачей качественной и развлекательной информации сохраняется. Дискурсивный концепт «суррогатное материнство» представлен во всех названных форматах российских СМИ: новостном, качественном и развлекательном.

Методика. Журналистские публикации анализировались с применением метода критического дискурс-анализа. Единицей анализа являлся целостный газетный текст, учитывались композиционное расположение и смысловая значимость развития темы суррогатного материнства. В каждом тексте фиксировались ролевые позиции, соответствующие основным участникам процесса: родитель / родители – врачи – гестационная мать – ребенок. В тексте ролевая позиция может быть представлена от первого лица и/или может быть объективирована и подвергаться обсуждению другими лицами. На втором этапе проводился анализ характеристик, идентификаций, приписываемых этим ролевым позициям в тексте. На третьем этапе анализировалось, какие ролевые позиции игнорируются или, напротив, объединяются или становятся в смысловую оппозицию.

Материалом для данного исследования послужили публикации федеральных и региональных СМИ за период 2019–2022 гг., так или иначе затрагивающие тему суррогатного материнства. В основную выборку вошли тексты базовых журналистских жанров – новости (информационные заметки), интервью, статьи. Также материалом для анализа послужили письма в поддержку суррогатного материнства, направленные в Российскую ассоциацию

репродукции человека (РАРЧ)¹ в 2017 г. Эти письма отнесены нами к медиадискурсу, поскольку имеют публичного адресата.

Дискурсивный концепт «суррогатное материнство» в письмах РАРЧ. Письма² в РАРЧ были вызваны новостью об инициативе депутатов Государственной Думы запретить в России суррогатное материнство и носят ситуативный характер. Письма написаны от лица женщин, заинтересованных в программе суррогатного материнства, и все содержат положительную оценку технологии суррогатного материнства. Только два письма из 26 подписано обоими супругами, что говорит о незначительной представленности голоса мужчин. Главный смысловой вектор положительной аргументации в пользу суррогатного материнства: единственное решение проблемы женского бесплодия, обусловленного объективными медицинскими факторами. Важная самохарактеристика, присутствующая в письмах, – это испытываемая неполноценность из-за отсутствия детей: *По всей видимости, все те кто поддерживают подобный закон напрямую не знакомы с болью и страданиями Женщины, когда она испытывает помимо физических и моральных страданий, страшный комплекс неполноценности* (Письмо 2. Светлана Д. Электронный документ. С. 4). Позиция ребенка представлена как желаемый объект семейного счастья. Отметим также в линии аргументации попытку перевести личную проблему в масштаб государственной важности: *В стране где очень плохая демографическая ситуация, депутат пытается ее ещё ухудшить* (запретом суррогатного материнства. – Авт.) (Письмо 14. Юлия З. Электронный документ. С. 10); *Оставьте родителям последний шанс, пусть в нашей стране будет больше и больше детей и неважно, что таким необычным способом они иногда появляются!* (Письмо 24. Виктория. Электронный документ. С. 16). Перевод желания иметь ребенка в решение демографической проблемы государства можно интерпретировать как поиск «понятного» для законодателей языка или как знак согласия с вторжением государства в личную жизнь.

Ролевая позиция «гестационная мать» упоминается примерно в шестой части всех писем и оценивается как помощница, с которой сохраняются доброжелательные отношения после рождения ребенка. Основная присваиваемая характеристика этой позиции – неудовлетворительное материальное положение. Эта характеристика может дополняться моральными качествами ответственности и самопожертвования: *Я знаю нескольких женщин, желающих стать сурмамами. Их мотив – вырвать из нищеты своих детей, улучшить их жилищные условия. Они готовы дать жизнь не только своему, но и чужому ребенку, делая при этом счастливой еще одну семью. Разве это не пример материнского самопожертвования и ответственности?* (Письмо 1. Юлия И. Электронный документ. С. 2). Слово «самопожертвование» имеет словарное толкование «жертвование собой, своими личными интересами ради других» [10], и сочетание признаков материальной выгоды и

¹ <https://rahr.ru/> (дата обращения: 15.11.2022).

² В текстах писем орфография, пунктуация, стилистика сохранены.

самопожертвования свидетельствует о противоречивости отношения к этой ролевой позиции со стороны бездетных женщин. Нельзя не отметить, что в одном из писем сказано, что в качестве гестационной матери выступила родная мать бездетной женщины. Это единственный раз во всем материале, включая журналистские тексты, когда формулируется помощь близкого родственника в рождении ребенка. Это говорит о том, что подобный опыт замалчивается и не включается в публичное пространство обсуждения.

Другие ролевые позиции (врача и агентства) в структуре дискурсивного концепта имеют единичное упоминание в письмах и сопровождаются положительными характеристиками.

В целом письма в РАРЧ демонстрируют включение в публичное пространство отчетливой ролевой позиции бездетных женщин, испытывающих комплекс неполноценности из-за бесплодия.

Завершая анализ писем в РАРЧ, скажем, что конструирование дискурсивного концепта «суррогатное материнство» осуществляется за счет дискурсивных практик самоописания ролевой позиции бездетных женщин / суррогов и описания ролевой позиции гестационной матери как добровольного помощника и ролевой позиции ребенка как желаемого объекта.

Дискурсивный концепт «Суррогатное материнство» в новостном сегменте российских СМИ. В новостных сообщениях последних лет тема суррогатного материнства появлялась в связи с результатами деятельности государственных органов, правоохранительных и законодательных. Здесь наиболее активны практики, конструирующие ролевую позицию ребенка. Основной идентифицирующий признак этой ролевой позиции – жертва, лингвистические маркеры подобных дискурсивных практик: *поставка детей; торговля детьми; дети, рожденные для продажи*. Основанием для отнесения к жертве выступает смысл «объект торговли». Соответственно, активизируются смыслы экономической сферы, передающиеся словами: *договор, доверенность, денежный перевод, оплата*. В следующем заголовке, например, соединяются экономические и криминализирующие смыслы, конструирующие ролевую позицию ребенка: *Младенец по доверенности: как раскрыли сеть по поставке детей в Китай* [25]. В новостях, публикуемых от имени Следственного комитета, раскрывшего или предотвратившего преступление, криминализации подвергаются все ролевые позиции – ребенка, бездетных родителей, гестационной матери и врачей. Причем позиция ребенка лингвистически оформляется как лишенная генетического родства с родителями: «приемные дети». Ролевые позиции бездетных родителей и гестационной матери имеют общий признак идентификации «нероссийский»: *Филиппинскому политику не разрешили забрать приемных детей из России* [26]; *Суд в Красноярске приговорил к трем годам лишения свободы гражданку Казахстана, которая рожала детей как суррогатная мать* [27].

Тема суррогатного материнства включается в традиционные заявления, сделанные политиками и лидерами общественного мнения в ходе официальных мероприятий. Так, на Рождественской парламентской встрече в Совете

Федерации в 2020 г. патриарх Кирилл высказался о суррогатном материнстве в целом. В словах патриарха данная медицинская технология имеет преступные последствия: *суррогатное материнство поощряет торговлю детьми* [28]. Также в словах представителя РПЦ фиксируем отрицательную оценку ролевой позиции «суррогатная мать»: *Ни одна обеспеченная женщина не станет за деньги вынашивать и рожать детей для чужих людей. К этому выбору ее подталкивает социальная незащищенность, бедность, желание обеспечить собственных детей. Распространение коммерческого суррогатного материнства – это очевидное, конечно, унижение достоинства российской женщины и самых незащищенных из них* [28]. Другие ролевые позиции участников этой разновидности ВРТ не упоминаются.

Причина участия суррогатной матери в сурпроекте из-за возможности улучшить благосостояние уже встречалась в письмах РАРЧ и оценивалась положительно. Соответственно, одна и та же идентификация ролевой позиции суррогатной матери имеет разное основание для противоположных оценок: денежное и нравственное. В словах патриарха Кирилла игнорируются ролевые позиции ребенка и бездетных родителей, а позиция гестационной матери наделяется характеристикой жертвы из-за низкого материального достатка.

В новостном сегменте журналисты стараются соблюдать требования качественной журналистики и дают высказаться другим заинтересованным лицам, в частности врачам и адвокатам, защищающим потенциальных родителей: *Врачи, арестованные в Москве за торговлю детьми, просят закрыть дело* [29]; *Кастро и его юрист считают, что дети – граждане Республики Филиппины незаконно удерживаются в России* [26]. Хотя смысл криминализации действий врачей присутствует и здесь, эта ролевая позиция тем не менее включена в публичное пространство и некоторым образом уравнивает новости от имени правоохранительных органов.

Новостной сегмент считается самым читаемым среди текстов СМИ, поэтому представленность дискурсивного концепта в нем обладает большой воздействующей силой. Высокая частотность смыслов совершения преступления или наличия преступного замысла в текстах на тему суррогатного материнства конструирует все ролевые позиции в концепте как выходящие за пределы общественных норм.

Дискурсивный концепт «Суррогатное материнство» в досуговых СМИ. Тема суррогатного материнства в развлекательных текстах появляется в связи с освещением семейной стороны жизни известных персон российской эстрады и спорта. Именно из СМИ широко известно, что в разное время благодаря суррогатным матерям появились дети у семейных пар Яны Рудковской и Евгения Плющенко, Аллы Пугачевой и Максима Галкина, Дмитрия Маликова и Елены Изабеллы, а также в семьях Филиппа Киркорова и Сергея Лазарева. В отличие от новостных текстов здесь ролевые позиции в концепте задают иную нормализацию суррогатному материнству.

В развлекательных текстах конструируется ролевая позиция бездетных родителей / родителя, но с характеристикой «счастливые». Хотя раскрытие

факта суррогатного материнства носит оттенок сенсации: *В 2018 году Елена и Дмитрий Маликовы сумели по-настоящему удивить народ. Они вновь стали родителями, хотя музыканту на тот момент было 48 лет, а его избраннице – все 55. Осуществить мечту звездной парочке помогла суррогатная мать* [30]. Особенно подчеркивается сенсационность в случае одиноких, в смысле неженатых, мужчин: *Сегодня в эфире второго выпуска провокационного шоу с Лерой Кудрявцевой Сергей Лазарев неожиданно для всех раскрыл свой секрет на миллион. Артист признался, что около года назад он во второй раз стал отцом* [31].

Важность отцовства становится яркой характеристикой частной жизни мужчины. В досуговых СМИ широко представлены дискурсивные практики самоописания отцовских чувств, которые идут вразрез с традиционным представлением о гендерных обязанностях в семье и об участии отца в воспитании детей. Например, Филипп Киркоров на вопрос, как он переживает стрессы на работе, отвечает: *А спасаюсь я детьми – они мои главные батарейки, поднимают настроение, вдохновляют, мотивируют и дают надежду на то, что все будет хорошо* [32]. Не только дискурсивные практики самоописания в прямой речи персонажей, но и слова журналистов о персонажах-селебрити наполнены семантикой сильных эмоций: *Наблюдая на торжественной линейке за обоими, певец был растроган до слез: «Невероятные непередаваемые чувства, ощущения и волнение... Ночь не спали, готовились, волновались, переживали... С началом новой жизни, мои дорогие!»* [33].

Этот вариант ролевой позиции бездетного родителя может быть воплощен и иным образом. Так, в тексте, посвященном Сергею Лазареву и его детям, журналист объективирует мнение противников этого вида ВРТ, называя их активистами, недоброжелателями и хейтерами. Журналист солидаризируется с главным персонажем текста, приводя его оправдания: *В начале апреля этого года вокруг семьи Сергея Лазарева разразился скандал. Активисты возмутились тем, что певец является отцом-одиночкой и воспитывает детей, которые родились от суррогатной матери. Недоброжелатели призвали лишить артиста родительских прав. По мнению хейтеров, дочери и сыну Лазарева нужна материнская забота. Сергей ответил на нападки в свой адрес, напомнив, что у детей помимо него есть бабушка Валентина Викторовна, которая восполняет им внимание и заботу* [34]. Это пример дискурсивных практик, воспроизводящих привычные консервативные представления о распределении мужского и женского поведения в семье с детьми.

В развлекательных текстах информация о рождении детей суррогатной матерью присутствует в сильной композиционной части – в ЛИД-абзаце или бэкграунде и совсем необязательно связана с информационным поводом публикации. Так, текст о праздновании дня рождения дочери Филиппа Киркорова начинается словами: *Артист был женат на Алле Пугачевой, после развода стал отцом двоих детей, рожденных суррогатными матерями* [35]. Это, скорее, говорит о стигматизации детей, рожденных таким путем, и об этической проблеме, стоящей перед журналистами и обществом в связи с охраной информации о рождении ребенка, зачатого с помощью ВРТ.

Ролевая позиция «гестационная мать» не игнорируется, но и не имеет высокой положительной оценки, она, скорее, окружена нейтральным контекстом, а распространенное выражение «суррогатная мать» нередко заменяется перифразом *женщина, выносившая ребенка* и разговорными вариантами *суррогатная мама*, *сурняня*: *47-летняя Яна Рудковская два года назад в четвертый раз стала мамой. У продюсера и ее мужа Евгения Плющенко родился сын, которого выносила суррогатная мама* [36].

В развлекательном сегменте дискурсивный концепт «Суррогатное материнство» конструируется ролевыми позициями «родители» с признаком *счастливые*, выделяется вариант этой ролевой позиции «одиноким отец» с накоплением положительных эмоциональных смыслов о значимости детей в жизни мужчин. Ролевая позиция «гестационная мать» погружена в нейтральный контекст, наблюдается тенденция смягчения номинации «суррогатная мать» разговорными вариантами *суррогатная мама* или перифрастическими оборотами.

ДК «Суррогатное материнство» в качественных аналитических публикациях. В аналитических публикациях ожидаемо богаче представлено развитие темы суррогатного материнства в просветительском ключе, привлекаются эксперты из медицинской и религиозной сферы, из политических и бизнес-кругов, а также из некоммерческих организаций. Освещение анализируемой темы в текстах сопровождается подробным описанием процедуры, объяснением терминов, привлечением разных точек зрения. Сообщается о результатах социологических исследований об отношении к этой теме [37].

Конструирование концепта происходит за счет представленности всех основных ролевых позиций. Дискурсивные практики, участвующие в формировании ролевой позиции родителя, повторяют уже указанные смыслы о счастливом родительстве, о единственной возможности родить генетически родного ребенка. Значительно реже, чем в новостном сегменте, встречаются дискурсивные практики, привносящие смыслы мошенничества или совершения преступления. Это же касается ролевой позиции врача, которая создается дискурсивными практиками, распространенными в публичном пространстве о любой другой врачебной помощи, – о помощи, спасении, чуде.

По сравнению с другими форматами российских СМИ, в аналитических публикациях специфику приобретают ролевые позиции ребенка и гестационной матери.

Ролевая позиция ребенка конструируется с помощью трех смысловых векторов, воплощающих разные ценностные установки: (1) экономического «ребенок – объект торговли»; (2) частного семейного «ребенок – это счастье в семье»; (3) государственного «ребенок – решение демографического кризиса в России». В аналитических публикациях первая установка подвергается осуждению или устанавливаются причины, как правило, юридического характера, которые привели к непреднамеренному результату. Особый интерес представляет третья установка о ценности ребенка для государства, что совпадает с аргументацией из писем, направленных в РАРЧ. В аналитических

текстах такое мнение обычно приводится в аргументации представителей власти. Так, депутат Государственной Думы Василий Пискарев высказался: *Мы не должны помогать иностранным государствам решать их репродуктивные проблемы, да еще и с использованием российского бюджета. Эти деньги нужно направить только на помощь российским гражданам и для решения демографических проблем нашей страны* [38]. Дискурсивно здесь смешиваются смыслы экономические и государственные, что отчасти воспроизводит дискурсивные практики объективации ребенка в качестве покупаемого товара.

Только в аналитических текстах ролевая позиция «гестационная мать» представлена от первого лица и отражает лишь позитивный опыт женщин, вынашивающих детей для чужих семей. В прямой речи персонажей текста, воплощающих эту позицию, фиксируется отсутствие физиологических сложностей и тесной эмоциональной связи с вынашиваемым ребенком: *Я относилась к этому как к работе и понимала, что я просто домик для чужого ребенка... Беременность прошла идеально, как и две мои естественные; Родила я тоже легко и в срок. Родился парень весом 4 кг, ростом 55 см, хорошенький. Мы с ним даже познакомились. Материнский инстинкт к нему у меня не появился. Я отдала ребенка, зная, что его ждут любящие родители; Я была очень довольна тем, что выполнила миссию и скоро отправлюсь домой к своим деткам. Материнского инстинкта не было. Я считала себя няней для ребенка и как будто за ним присматривала, пока не придут мама с папой* [39]. Эти смыслы поддерживаются схожими дискурсивными практиками, которые мы находим в текстах, имеющих цель рекламно-просветительскую. Попутно отметим, что подобных текстах в дискурсивный концепт включается дополнительная ролевая позиция «агент». Так, агент по подбору суррогатных матерей Андрей Родин говорит об ответственности, что типично для деловой характеристики работника: *В защиту суррогатных мам скажу, что это женщины как правило порядочные и ответственные. Кроме того, если они участвуют в программе замещающего вынашивания при посредничестве специализированной организации, то регулярно сдают во время беременности анализы на всевозможные вредные привычки. Тут не забалуешь* [40]. В аналитических публикациях смысл беременности как работы свидетельствует о распространении в публичном пространстве взглядов о диверсификации процесса материнства. В этом же формате СМИ продолжается практика лингвистического смягчения номинации «суррогатная мать» в пользу перифраз или замены словом «няня».

В сегменте качественных аналитических публикаций присутствуют дискурсивные практики конструирования концепта, уже отмеченные в письмах, предоставленных РАРЧ, в новостном и развлекательном сегментах российских СМИ, такие как: бездетные родители имеют право на генетических детей; иностранные потенциальные родители имеют преступный умысел; врачи могут квалифицированно помочь решить проблему бездетности; врачи могут иметь преступный умысел ради обогащения; ребенок для иностранных родителей – объект торговли; ребенок приносит счастье в семью;

гестационная мать улучшает свое материальное положение; гестационная мать унижает свое достоинство. Зафиксированы специфические дискурсивные практики для аналитических журналистских текстов на тему суррогатного материнства: ребенок – это решение демографического кризиса в России; гестационная мать – это работа без возникновения эмоциональной привязанности к ребенку.

Выводы

Дискурсивный концепт «суррогатное материнство» представлен во всех сегментах российских СМИ. Структурирование дискурсивного концепта организовано по основным ролевым позициям основных участников технологии суррогатного материнства: бездетные родители; врач; гестационная мать; ребенок. В зависимости от формата СМИ ролевые позиции наделяются ценностными характеристиками. В новостном сегменте все основные ролевые позиции сопровождаются смыслами о намеренном или непреднамеренном преступлении. В досуговых СМИ ролевая позиция родителей представлена персонажами-селебрити с ведущей идентификацией «счастливые», а также как вариант возникает ролевая позиция «одинокый отец» с присвоением смыслов тесной эмоциональной связи с детьми, противоречащих консервативному взгляду на семью. В аналитических публикациях ролевая позиция «гестационная мать» представлена от первого лица, но раскрывается только через положительный опыт, в отличие от художественного осмысления гестационной матери в сериале «Контейнер». Ролевая позиция «ребенок» одновременно актуализирует три различные интерпретации ценностного смысла. В досуговых СМИ обнаружена этическая проблема стигматизации детей, рожденных с помощью ВРТ. Дискурсивный концепт «суррогатное материнство» включен в публичное пространство, но ценностной поляризации или однозначности в осмыслении этой темы нет. Сопоставление писем, направленных в РАРЧ, и журналистских текстов показало, в частности, что ролевая позиция «ребенок» как желаемый объект для семейного счастья вполне согласуется с точкой зрения о решении таким способом демографической проблемы государства.

Список источников

1. *Расчупко С.В.* К вопросу о проблемах суррогатного материнства и принятии специального закона о суррогатном материнстве в Российской Федерации // *Аллея науки*. 2017. Т. 2, № 15. С. 474–477.
2. *Пилипенко М.С., Цюлинский А.А.* Установление и оспаривание отцовства при применении суррогатного материнства // *International Law Journal*. 2021. Т. 4, № 3. С. 80–83.
3. *Воробьева И.В., Мельников А.В.* Права ребенка в процессе реализации программы суррогатного материнства // *Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2020. № 1. С. 110–116.
4. *Бредникова О., Нартова Н.* Нарушая молчание: дискриминация женщин в пространстве Новых репродуктивных технологий (НРТ) // *Современная женщина, семья, демография: Актуальные исследования* / под ред. О. Здравомысловой. М., 2007. С. 156–180.

5. Ткач О. Наполовину родные?: Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 1. С. 50–68.
6. Исупова О.Г. Модернизация женских мотиваций к рождению детей: деконструкция материнства? // Демоскоп Weekly. 2011. С. 453–454.
7. Исупова О.Г. Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорстве яйцеклеток и суррогатном материнстве // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 3 (12). С. 381–396.
8. Граматчикова Н.Б., Полякова И.Г. «Танго вдвоем»: опыт методологической рефлексии интервьюирования женщин-доноров ооцитов // Quaestio Rossica. 2023.
9. Здравомыслова Е., Темкина А. Введение. Гендерный подход в исследовании репродуктивных практик. С. 7–20 // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. (Труды факультета политических наук и социологии. Вып. 18) : сб. ст. СПб., 2009. 430 с.
10. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008. 1175 с.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
12. Gergen K. The social constructionist movement in modern social psychology // American Psychologist. 1985. Vol. 40, № 3. S. 266–275.
13. Burr V. An Introduction to Social Constructionism. London : Sage, 1995. S. 238.
14. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург, 1999. 128 с.
15. Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков : Гуманитар.центр, 2008. 352 с.
16. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война». Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. 196 с.
17. Чепкина Э.В., Енина Л.В. Дискурсивные практики журналистики: метод анализа // Стилистика завтрашнего дня : сб. ст. к 80-летию профессора Григория Яковлевича Солганика. М., 2012. С. 291–308.
18. Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс : Текстопорождающие практики и коды (1995–2000) / науч. ред. Л.М. Майданова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 279 с.
19. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.
20. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
21. Чепкина Э.В., Енина Л.В. Журналистский дискурс: анализ практик // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2011. Т. 89, № 2. С. 76–85.
22. Енина Л.В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 159–167.
23. Лозовский Б.Н. Журналистика: краткий словарь. Екатеринбург, 2004. 115 с.
24. Майданова Л.М., Чепкина Э.В. Медиаатекст в идеологическом контексте. Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. 304 с.
25. Младенец по доверенности: как раскрыли сеть по поставке детей в Китай // РИА Новости. 14.10.21. URL: <https://ria.ru/20211014/deti-1754458759.html> (дата обращения: 20.10.2022).
26. Филиппинскому политику не разрешили забрать приемных детей из России // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20200721/1574661149.html> (дата обращения: 02.02.2023).

27. В России вынесли первый приговор суррогатной матери по делу о торговле детьми // RTVI. URL: <https://rtvi.com/news/v-rossii-vynesli-pervyj-prigovor-surrogatnoj-materi-po-delu-o-torgovle-detmi/> (дата обращения: 17.02.2023).

28. Патриарх Кирилл: суррогатное материнство поощряет торговлю детьми // ТАСС. 28.01.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7625071> (дата обращения: 17.02.2023).

29. Врачи, арестованные в Москве за торговлю детьми, просят закрыть дело // РИА Новости. 31.05.21. URL: <https://ria.ru/20210531/delo-1734918173.html> (дата обращения: 07.11.22).

30. Как сейчас выглядит сын Дмитрия Маликова от суррогатной мамы: редкое фото // Экспресс газета. 14.12.2022. URL: <https://www.eg.ru/showbusiness/2832372-kak-seychas-vyglyadit-syn-dmitriya-malikova-ot-surrogatnoy-mamy-redkoe-foto/> (дата обращения: 17.02.2023).

31. Сергей Лазарев признался, что год назад у него родилась дочь // Вокруг ТВ. 29.09.2019. URL: <https://www.vokrug.tv/article/show/15697683831/> (дата обращения: 18.02.2023).

32. Филиппу Киркорову – 55: о политических разборках артистов, нервных срывах и третьем ребенке // StarHit. 01.05.2022. URL: <https://www.starhit.ru/interview/filippu-kirkorovu-55-o-politicheskikh-razborkah-artistov-nervnyih-sryivah-i-tretem-rebenke-273930/> (дата обращения: 17.01.2023).

33. Филипп Киркоров отвел детей в деревенскую школу // 7 дней. 02.09.2019. URL: <https://7days.ru/news/filipp-kirkorov-otvel-detey-v-derevenskuyu-shkolu.htm> (дата обращения: 18.02.23).

34. Сергей Лазарев впервые показал детей после скандала с лишением родительских прав // Вокруг ТВ. 02.06.2022. URL: <https://www.vokrug.tv/article/show/16541760541/> (дата обращения: 18.02.2023).

35. «Моя снежная королева»: Киркоров подарил 11-летней дочери люксовые сережки – но посмотрите на ее реакцию // V1.ru. 11.12.2022. URL: <https://v1.ru/text/entertainment/2022/12/11/71886584/> (дата обращения: 18.02.2023).

36. «Еще один ребенок»: Яна Рудковская рассказала о прибавлении в семействе // 7 дней. 28.09.2022. URL: <https://7days.ru/news/eshche-odin-rebenok-yana-rudkovskaya-rasskazala-o-pribavlenii-v-seme.htm> (дата обращения: 18.02.2023).

37. К какой-то матери: как меняется отношение россиян к суррогатному материнству // Известия. 20.09.2021. URL: <https://iz.ru/1222662/evgeniia-priemskaja/k-kakoi-materi-kak-meniatsia-otnoshenie-rossiian-k-surrogatnomu-materinstvu> (дата обращения: 07.11.2022).

38. Госдума приняла закон о запрете услуг суррогатных матерей в РФ для иностранцев // Российская газета. 08.12.2022. URL: <https://rg.ru/2022/12/08/gosduma-priniala-zakon-o-zaprete-uslug-surrogatnyh-materej-v-rf-dlia-inostrancev.html> (дата обращения: 18.02.2023).

39. Я просто домик для чужого ребенка: 3 суррогатные матери рассказали свои реальные истории // Grazia. 11.07.2022 URL: <https://graziamagazine.ru/beauty/ya-prostodomik-dlya-chuzhogo-rebenka-realnye-istorii-surrogatnyh-materey/> (дата обращения: 07.11.2022).

40. «Ярлыки и штампы вредят»: Агент рассказал правду о суррогатном материнстве // АИФ-Прикамье. 24.08.2022. URL: https://perm.aif.ru/society/people/yarlyki_i_shtampy_vredyat_agent_rasskazalpravdu_o_surrogatnom_materinstve (дата обращения: 07.11.2022).

References

1. Raschupko, S.V. (2017) K voprosu o problemakh surrogatnogo materinstva i prinyatii spetsial'nogo zakona o surrogatnom materinstve v Rossiyskoy Federatsii [On the issue of

problems of surrogacy and the adoption of a special law on surrogacy in the Russian Federation]. *Alleya nauki*. 15 (2). pp. 474–477.

2. Pilipenko, M.S. & Tsyulinskiy, A.A. (2021) Ustanovlenie i osparivanie otsovstva pri primenenii surrogatnogo materinstva [Establishing and challenging paternity when using surrogacy]. *International Law Journal*. 3 (4). pp. 80–83.

3. Vorob'eva, I.V. & Mel'nikov, A.V. (2020) Prava rebenka v protsesse realizatsii programmy surrogatnogo materinstva [Rights of the child in the process of implementing the surrogacy program]. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. 1. pp. 110–116.

4. Brednikova, O. & Nartova, N. (2007) Narushaya molchanie: diskriminatsiya zhenshchin v prostranstve Novykh reproduktivnykh tekhnologiy (NRT) [Breaking the silence: discrimination against women in the space of New Reproductive Technologies (NRT)]. In: Zdravomyslova, O. (ed.) *Sovremennaya zhenshchina, sem'ya, demografiya. Aktual'nye issledovaniya* [Modern Woman, Family, Demography. Current research]. Moscow: Zven'ya. pp. 156–180.

5. Tkach, O. (2013) Napolovinu rodnye? Problematizatsiya rodstva i sem'i v gazetnykh publikatsiyakh o vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiyakh [Half related? Problematicization of kinship and family in newspaper publications about assisted reproductive technologies]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 1 (11). pp. 50–68.

6. Isupova, O.G. (2011) Modernizatsiya zhenskikh motivatsiy k rozhdeniyu detey: dekonstruktsiya materinstva? [Modernization of women's motivations for having children: deconstruction of motherhood?]. *Demoskop Weekly*. pp. 453–454.

7. Isupova, O.G. (2014) Rody kak tsennost' v internet-diskurse subfertil'nykh zhenshchin o donorstve yaytseketok i surrogatnom materinstve [Childbirth as a value in the online discourse of subfertile women about egg donation and surrogacy]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 3 (12). pp. 381–396.

8. Gramatchikova, N.B. & Polyakova, I.G. (2023) “Tango vdvoem”: opyt metodologicheskoy refleksii interv'yuirovaniya zhenshchin-donorov ootsitov [“Tango for two”: women's interviews in clinical reproductive practice]. *Quaestio Rossica*. 2 (11). pp. 554–570.

9. Zdravomyslova, E. & Temkina, A. (2009) Vvedenie. Gendernyy podkhod v issledovanii reproduktivnykh praktik [Introduction. Gender approach to the study of reproductive practices]. In: Zdravomyslova, E. & Temkina, A. (eds) *Zdorov'e i doverie: gendernyy podkhod k reproduktivnoy meditsine. Trudy fakul'teta politicheskikh nauk i sotsiologii* [Health and Trust: A gender approach to reproductive medicine. Proceedings of the Faculty of Political Science and Sociology]. Vol. 18. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg. pp. 7–20.

10. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2008) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vkhlyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language Including Information about the Origin of Words]. Moscow: Azbukovnik.

11. Berger, P. & Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium.

12. Gergen, K. (1985) The social constructionist movement in modern social psychology. *American Psychologist*. 3 (40). pp. 266–275.

13. Burr, V. (1995) *An Introduction to Social Constructionism*. London: Sage. P. 238.

14. D'yakova, E.G. & Trakhtenberg, A.D. (1999) *Massovaya kommunikatsiya i problema konstruirovaniya real'nosti: analiz osnovnykh teoreticheskikh podkhodov* [Mass Communication and the Problem of Constructing Reality: Analysis of the main theoretical approaches]. Yekaterinburg: RAS.

15. Jorgensen, M.L. & Phillips, J. (2008) *Diskurs-analiz: teoriya i metod* [Discourse Analysis as Theory and Method]. Khar'kov: Gumanitarniy tsentr.

16. Chepkina, E.V. (ed.) (2017) *Problemy konstruirovaniya identichnosti rossiyan v diskurse SMI pod vliyaniem kontsepta “informatsionnaya voyna”* [Problems of Russian People

Identity Construction in Mass Media Discourse Influenced by the ‘Information Warfare’ Concept]. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.

17. Chepkina, E.V. & Enina, L.V. (2012) Diskursivnye praktiki zhurnalistiki: metod analiza [Discursive practices of journalism: method of analysis]. In: Solganik, G.Ya. (ed.) *Stilistika zavtrashnego dnya* [Stylistics of Tomorrow]. Moscow: MediaMir. pp. 291–308.

18. Chepkina, E.V. (2000) *Russkiy zhurnalisticheskii diskurs: Tekstoporozhdayushchie praktiki i kody (1995–2000)* [Russian Journalistic Discourse: Text-generating practices and codes (1995–2000)]. Yekaterinburg: Ural State University.

19. Krasnykh, V.V. (2003) “Svoy” sredi “chuzhikh”: mif ili real’nost’? [“Ours” among “Strangers”: Myth or reality?]. Moscow: Gnozis.

20. Shmelev, A.D. (2002) *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel’nost’* [Russian Language and Extra-Linguistic Reality]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul’tury.

21. Chepkina, E.V. & Enina, L.V. (2011) Zhurnalisticheskii diskurs: analiz praktik [Journalistic discourse: analysis of practices]. *Izvestiya Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul’tury*. 2 (89). pp. 76–85.

21. Enina, L.V. (2016) Identichnost’ kak diskursivnyy kontsept i mekhanizmy identifikatsii [Identity as a discursive concept and identification mechanisms]. *Politicheskaya lingvistika*. 6 (60). pp. 159–167.

23. Lozovskiy, B.N. (2004) *Zhurnalistika: kratkiy slovar’* [Journalism: A short dictionary]. Yekaterinburg: Ural State University.

24. Maydanova, L.M. & Chepkina, E.V. (2011) *Mediatekst v ideologicheskom kontekste* [Media Text in an Ideological Context]. Yekaterinburg: University of Humanities.

25. RIA Novosti. (2021) Mladenets po doverennosti: kak raskryli set’ po postavke detey v Kitay [Baby by proxy: how a network for supplying children to China was uncovered]. *RIA Novosti*. 14 October. [Online] Available from: <https://ria.ru/20211014/deti-1754458759.html> (Accessed: 20.10.2022).

26. RIA Novosti. (2020) Filippinskomu politiku ne razreshili zabrat’ priemnykh detey iz Rossii [Philippine politician was not allowed to take adopted children from Russia]. *RIA Novosti*. 21 July. [Online] Available from: <https://ria.ru/20200721/1574661149.html> (Accessed: 02.02.2023).

27. RTVI. (2022) V Rossii vynesli pervyy prigovor surrogatnoy materi po delu o trgovli det’mi [In Russia, the first verdict was handed down to a surrogate mother in a case of child trafficking]. *RTVI*. 27 July. [Online] Available from: <https://rtvi.com/news/v-rossii-vynesli-pervyy-prigovor-surrogatnoj-materi-po-delu-o-torgovle-detmi/> (Accessed: 17.02.2023)

28. TASS. (2020) Patriarkh Kirill: surrogatnoe materinstvo pooshchryaet trgovlyu det’mi [Patriarch Kirill: surrogacy encourages child trafficking]. *TASS*. 28 January. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/7625071> (Accessed: 17.02.2023).

29. RIA Novosti. (2021) Vrachy, arestovannye v Moskve za trgovlyu det’mi, prosyat zakryt’ delo [Doctors arrested in Moscow for child trafficking ask for the case to be closed]. *RIA Novosti*. 31 May. [Online] Available from: <https://ria.ru/20210531/delo-1734918173.html> (Accessed: 07.11.22).

30. Ekspress gazeta. (2022) Kak seychas vyglyadit syn Dmitriya Malikova ot surrogatnoy mamy: redkoe foto [What Dmitry Malikov’s son from a surrogate mother looks like now: a rare photo]. *Ekspress gazeta*. 14 December. [Online] Available from: <https://www.eg.ru/showbusiness/2832372-kak-seychas-vyglyadit-syn-dmitriya-malikova-ot-surrogatnoy-mamy-redkoe-foto/> (Accessed: 17.02.2023).

31. Vokrug TV. (2019) Sergey Lazarev priznalsya, chto god nazad u nego rodilas’ doch’ [Sergey Lazarev admitted that a year ago his daughter was born]. *Vokrug TV*. 29 September. [Online] Available from: <https://www.vokrug.tv/article/show/15697683831/> (Accessed: 18.02.2023).

32. StarHit. (2022) Filippu Kirkorovu – 55: o politicheskikh razborkakh artistov, nervnykh sryvakh i tret’em rebenke [Philip Kirkorov – 55: about political squabbles among artists, nervous breakdowns and the third child]

nervous breakdowns and a third child]. *StarHit*. 1 May. [Online] Available from: <https://www.starhit.ru/interview/filippu-kirkorovu-55-o-politicheskikh-razborkah-artistov-nervnyih-sryivah-i-trem-rebenke-273930/> (Accessed: 17.01.2023).

33. 7 dney. (2019) Filipp Kirkorov otvel detey v derevenskuyu shkolu [Philip Kirkorov took the children to the village school]. 7 dney. 2 September. [Online] Available from: <https://7days.ru/news/filipp-kirkorov-otvel-detey-v-derevenskuyu-shkolu.htm> (Accessed: 18.02.23).

34. Vokrug TV. (2022) Sergey Lazarev v pervye pokazal detey posle skandala s lisheniem roditel'skikh prav [Sergey Lazarev showed his children for the first time after the scandal with deprivation of parental rights]. *Vokrug TV*. 2 June. [Online] Available from: <https://www.vokrug.tv/article/show/16541760541/> (Accessed: 18.02.2023).

35. V1.ru. (2022) “Moya snezhnaya koroleva”: Kirkorov podaril 11-letney docheri lyuksovye serezhki – no posmotrite na ee reaktsiyu [“My Snow Queen”: Kirkorov gave his 11-year-old daughter luxury earrings – but look at her reaction]. *V1.ru*. 11 December. [Online] Available from: <https://v1.ru/text/entertainment/2022/12/11/71886584/> (Accessed: 18.02.2023).

36. 7 dney. (2022) “Eshche odin rebenok”: Yana Rudkovskaya rasskazala o pribavlenii v semeystve [“Another child”: Yana Rudkovskaya spoke about the addition to the family]. 7 dney. 28 September. [Online] Available from: <https://7days.ru/news/eshche-odin-rebenok-yana-rudkovskaya-rasskazala-o-pribavlenii-v-seme.htm> (Accessed: 18.02.2023).

37. Izvestiya. (2021) K kakoy-to materi: kak menyaetsya otnoshenie rossiyan k surrogatnomu materinstvu [To some mother: how the attitude of Russians towards surrogacy is changing]. *Izvestiya*. 20 September. [Online] Available from: <https://iz.ru/1222662/evgeniia-priemskaya/k-kakoi-materi-kak-meniayetsya-otnoshenie-rossiyan-k-surrogatnomu-materinstvu> (Accessed: 07.11.2022).

38. Rossiyskaya gazeta. (2022) Gosduma prinyala zakon o zaprete uslug surrogatnykh materey v RF dlya inostrantsev [The State Duma adopted a law banning the services of surrogate mothers in the Russian Federation for foreigners]. *Rossiyskaya gazeta*. 08 December. [Online] Available from: <https://rg.ru/2022/12/08/gosduma-prinyala-zakon-o-zaprete-uslug-surrogatnykh-materey-v-rf-dlya-inostrancev.html> (Accessed: 18.02.2023).

39. Grazia. (2022) Ya prosto domik dlya chuzhogo rebenka: 3 surrogatnye materi rasskazali svoi real'nye istorii [I'm just a house for someone else's child: 3 surrogate mothers told their real stories]. *Grazia*. 11 July. [Online] Available from: <https://graziamagazine.ru/beauty/ya-prosto-domik-dlya-chuzhogo-rebenka-realnye-istorii-surrogatnykh-materey/> (Accessed: 07.11.2022).

40. AIF-Prikam'ye. (2022) “Yarlyki i shtampy vredyat”. Agent rasskazal pravdu o surrogatnom materinstve [“Labels and stamps are harmful.” The agent told the truth about surrogacy]. *AIF-Prikam'ye*. 24 August. [Online] Available from: https://perm.aif.ru/society/people/yarlyki_i_shtampy_vredyat_agent_rasskazal_pравду_o_surrogatnom_materinstve (Accessed: 07.11.2022).

Информация об авторах:

Енина Л.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского гуманитарного института УрФУ им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: enina.lidia@gmail.com

Полякова И.Г. – канд. социол. наук, научный сотрудник Межрегионального института общественных наук Уральского гуманитарного института УрФУ им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: irinapolykova@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.V. Enina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Ural State University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: enina.lidia@gmail.com

I.G. Polyakova, Cand. Sci. (Sociology), research fellow, Ural State University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: irinapolykova@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.05.2023;
одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.*

*The article was submitted 03.05.2023;
approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.*